
ЖЕНСКОЕ ВРЕМЯ
ПОСЛЕ МУЖЧИН
АЛЕКСАНДР ШАБЫНИН

Александр Шабынин

Женское Время. После мужчин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72014704
SelfPub; 2025

Аннотация

Что если завтра исчезнут все мужчины?

Останется ли человечество собой – или превратится в нечто совсем иное?

Для героя этот вопрос стал реальностью. В мире, где каждая девушка под подозрением, где доверие и сострадание – редкость, ему предстоит узнать цену чужого тела и свою истинную сущность. Но чтобы спасти хотя бы одну жизнь, нужно раскрыть правду, за которую уже давно принято платить чужой кровью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	56
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Шабынин
Женское Время.
После мужчин

Глава 1

Миша сидел у окна уютного, чуть пафосного кафе, лениво пролистывая меню. За окном лениво текла жизнь: пары, прогуливающиеся по узкой улице, одинокая собака, копающаяся в снежной каше у порога соседнего магазина, молодая девушка с розовым зонтом, спешившая на работу. Внутри кафе царила тёплая, но сдержанная атмосфера: мягкие кресла цвета слоновой кости, ковер, приглушающий шаги, негромкий джаз, который то и дело прерывался гулом кофемашины. Миша отметил, как официантка мимоходом глянула на него – не взгляд, а одно мгновение, еле уловимое.

Очередной вечер, очередная встреча, – подумал он, снова опустив взгляд на меню. – *Молоденькая, доверчивая. Улыбнётся, расскажет о своих мечтах, а потом я её немного порадую. Просто развлеку.*

Он отложил меню и задумался, прислушиваясь к джазовой мелодии, пытаясь сосредоточиться. Девушка была именно такой, каких он предпочитал: молодая, легкая в обще-

нии, готовая слушать его рассказы о бизнесе, разводе, жизни «успешного мужчины». Она поверила, конечно же. Они все верят. А что, он держался уверенно, говорил убедительно, и, в конце концов, кто проверяет слова на сайте знакомств? Кажется, её звали… как там? Аня? Лена? Да какая разница. Главное, чтобы встретились, она улыбалась, слушала, а дальше он разберется. Всё, как всегда.

Вспоминая её профиль, он чувствовал лёгкое удовлетворение. Наивная. Прямолинейная. Явно из тех, которые поначалу верят в сказку. Небольшой сбой был лишь в том, что она не сразу согласилась на личную встречу, но, может, это даже к лучшему. В какой-то момент это стало маленьким вызовом, а он любил вызовы – в меру.

Мимо прошла пара, их тихие голоса сливались с музыкой. Миша машинально взглянул на дверь. Время подходило. Чуть позже, с нетерпением он посмотрит на часы, и потом – на вход, ожидая увидеть ту самую девушку. А пока он наслаждался ощущением лёгкой игры, как будто это был не просто вечер в кафе, а своего рода хобби.

Он расслабленно откинулся в кресле, едва заметно расправив плечи. Его осанка всегда была предметом гордости – уверенная, без следа сутулости, такая, что иногда прохожие невольно обращали внимание. На Мише был хорошо сидящий темно-синий пиджак, лёгкий шарф, который он рассеянно поправил. Пиджак не слишком дорогой, но достаточно стильный, чтобы намекать на вкус и успешность. Часы на

запястье – строгие, металлические – добавляли завершённости образу. Руки, ухоженные, с аккуратно подстриженными ногтями, лежали на коленях; он казался абсолютно уверенным в себе, полностью контролирующим ситуацию.

Когда к его столику подошёл официант, Миша дружелюбно кивнул, чуть приподнял брови и с улыбкой попросил капучино. Официант кивнул в ответ, и Миша краем глаза уловил, как взгляд юной девушки за соседним столиком задержался на нём на мгновение дольше обычного. *"Всё просто: уверенность притягивает. Главное – подать себя так, чтобы другие видели в тебе то, что ты хочешь показать."* Привычная маска, надетая почти автоматически.

«Нет, я люблю Марину. Честно люблю. Она – моя семья. Я не собираюсь ничего разрушать, никого бросать. Просто иногда мне нужно это… Внимание. Восторженные глаза. Эти милые девушки дают мне ощущение, которого уже давно нет дома.» Внутренний монолог, как заезженная пластинка, звучал в голове, пока он мельком оглядывал зал. Где-то в глубине души он понимал, что это отговорки, но они работали – хотя бы временно.

«Никакой драмы. Это всего лишь небольшое развлечение, способ вернуть себе уверенность. Это никак не отражается на моём отношении к семье. Ведь я хороший муж, правда? У меня просто… свои слабости.» Мысли эти пришли легко, почти шутливо, но где-то внутри остался небольшой осадок. Миша незаметно выдохнул, но тут же сосредоточил-

ся на очередной волне самоуверенности.

«Женщины… они такие разные. Марина всегда будет для меня надёжной гаванью. Но с молодыми всё проще. Им не нужны серьёзные разговоры, только пара красивых слов, и они уже влюбляются. Эта их наивность… она так всё упрощает. Почему бы не воспользоваться?» Он скользнул взглядом по входной двери, чуть наклонил голову и пригубил кофе, который принесли в этот момент. Да, всё шло как надо.

Миша уже в третий раз посмотрел на часы. *«Чуть-чуть опаздывает. Ладно, ничего страшного, это даже мило.»* Он как раз поднимал чашку кофе, когда услышал лёгкий звон дверного колокольчика. Она вошла. Молодая, симпатичная, одетая просто, но со вкусом: бежевое пальто, небольшой шарф, чёрная сумочка через плечо. Светлые волосы собраны в высокий хвост, лицо открытое, немного волевое. Миша невольно отметил, что уверенность, с которой она двигалась, слегка выбивалась из его привычного сценария. Не то чтобы это было неприятно, просто… неожиданно.

Она заметила его за столиком, улыбнулась. Улыбка была вежливой, но без восторга. Это сразу бросилось в глаза. Он поднялся, приглашающе махнул рукой. Девушка подошла, и, пока он обходил стол, чтобы помочь ей снять пальто, мельком взглянула на него, как будто что-то оценивая.

– Вы Миша? – спросила она, и в её голосе была лёгкая тень сомнения, будто она всё ещё раздумывала, пришла ли туда, куда нужно.

– Да-да, рад, что вы смогли встретиться, – он улыбнулся в своей привычной, чуть расслабленной манере. – Прошу, садитесь. Уверен, вы замёрзли.

Она села, поправив сумочку, и взглядом скользнула по его часам, словно подмечая детали. Он сел напротив и потянулся за своей чашкой.

– Вы ведь… что-то вроде предпринимателя? – начала она, как бы между делом. – У вас собственный бизнес, да? А что именно?

Миша едва заметно замешкался, но тут же вернул себе уверенность. Словно небрежно, он откинулся на спинку кресла.

– Разные направления. Больше по логистике. В основном всё связано с грузоперевозками и оптимизацией цепочек поставок. – Он сделал паузу, отпил кофе. – В общем, скучные взрослые вещи.

Она слегка улыбнулась, но её взгляд остался настороженным. Затем она подалась вперёд, сцепив пальцы, и спросила:

– А как долго вы этим занимаетесь?

Его слегка кольнуло раздражение. Это не был тот привычный восторженный интерес, который он привык видеть. Это скорее походило на проверку, и от этого он чувствовал себя чуть менее уверенно.

– О, уже несколько лет, – сказал он, делая вид, что его забавляет её дотошность. – Но я не хотел бы сейчас говорить о работе. Лучше расскажите немного о себе.

Девушка выдержала паузу, будто раздумывая, стоит ли продолжать допрос. А затем улыбнулась, но вновь не так, как он привык. Словно она знала, что он что-то недоговаривает, но решила не давить дальше.

– Хорошо, – сказала она, опустив руки на колени. – Тогда давайте просто поговорим.

Миша поднял чашку с кофе, словно чтобы выиграть несколько секунд на размышления, а потом ободряюще улыбнулся.

– Лена, – начал он тоном, в котором сквозило доброжелательное понимание, – я думаю, это здорово, что вы вообще согласились встретиться. Сейчас так сложно найти человека, который…

– Аня, – поправила она, не повышая голоса, но достаточно уверенно, чтобы он сразу заметил свою ошибку.

– Ох, прошу прощения, Аня, – он тут же подкорректировал себя, сохраняя улыбку. Внутри же почувствовал лёгкую неловкость. Это был небольшой промах, но он дал ей повод насторожиться.

«Необычно. Обычно к этому моменту они уже на моей стороне. Что ж, может, сегодня потребуется немного больше усилий,» – подумал он, отставляя чашку и делая вид, что ничуть не смутился.

– Так вот, – продолжил он, не теряя хода. – Вы ведь только недавно приехали в этот район, да? Это прекрасное место. Уютное, тихое…

Она ответила коротко, кивнув, но не поддержала тему. Миша отметил, что она смотрела на него слишком внимательно, как будто пыталась разгадать, что за человек перед ней. Обычный комплимент, который он вставил между делом – что-то о её шарфе и хорошем вкусе – вызвал лишь слабую, вежливую улыбку, без тени восторга.

«Что ж, она не отталкивает меня, но и не торопится доверять. Интересно.» – мелькнула мысль. Он мягко наклонился чуть ближе, стараясь перевести разговор в более лёгкую, непринуждённую плоскость, но каждый его шаг встречался вежливой, но явной настороженностью.

Миша потянулся за чашкой кофе, пытаясь скрыть лёгкое раздражение. Он привык, что в этот момент разговор плавно переходит в зону комфорта – её комплименты, его уверенные ответы, несколько безобидных шуток. Но сейчас что-то было не так. Она смотрела на него спокойно, даже слегка насмешливо, словно видела чуть больше, чем он ожидал.

– А у вас, наверное, бывает много таких встреч? – спросила она с лёгкой улыбкой. – У вас очень уверенный стиль общения. Чувствуется опыт.

Миша не сразу нашёлся, что ответить, на долю секунды потеряв привычный напор. Однако тут же вернул себе улыбку.

– Что вы, – протянул он, откинувшись на спинку кресла. – Просто люблю знакомиться с интересными людьми.

Она ничего не ответила, лишь с интересом смотрела на

него. Миша решил немного сменить тон.

– Слушайте, давайте перейдём на ты. Так гораздо проще общаться, не так ли?

Аня чуть наклонила голову, задумчиво улыбнулась, но покачала головой.

– Нет, пожалуй, не стоит. Я предпочитаю соблюдать дистанцию. Мне так комфортнее.

Миша улыбнулся, но в его мыслях зазвучало лёгкое напряжение. *«Интересно. Обычно к этому моменту мы уже смеёмся, общаемся как старые друзья. А тут… что она вообще думает?»*

Он попытался завести разговор о путешествиях, о планах на будущее. Но её ответы оставались лаконичными, её взгляд – пристальным. В какой-то момент она произнесла фразу, которая заставила его остановиться:

– А если бы вы могли прожить другую жизнь?

Миша замер на мгновение. Эти слова прозвучали странно, не вяжущиеся с их предыдущим разговором. Он попытался рассмеяться, отшутиться, но почувствовал, что это его слегка выбило из колеи.

– Ну, жизнь у меня, в принципе, неплохая. «Зачем что-то менять?» —сказал он, постаравшись, чтобы голос звучал легко. Но внутри осталась колючка. Зачем она это сказала? Она ведь ничего не знала о нём, о его семье, о его мотивах.

Она взглянула на часы, как будто оценивая, стоит ли продолжать разговор. Миша чувствовал, что что-то не так, но

не мог понять, что именно. Затем она вежливо, но довольно быстро попрощалась. Сказала, что у неё дела, и что, возможно, они как-нибудь ещё поговорят. Но её тон говорил об обратном. Она вышла из кафе, оставив его сидеть с ощущением, что он упустил нечто важное.

На обратном пути Миша крепче сжал руль, так, что пальцы побелели. Злила не сама встреча. Точнее, злила, но по-другому. Что эта девчонка о себе возомнила? Кто она такая, чтобы вот так смотреть на него сверху вниз? Да, он хотел её впечатлить, но разве не в этом суть? Неужели нельзя просто взять и сыграть по правилам, которые он сам установил? А тут… как нарочно. Она видела его насквозь и не скрывала этого. Словно сделала ему одолжение, придя на эту встречу.

Миша резко выдохнул, остановившись у ближайшего перекрёстка. *«Малолетка. Ничтожная малолетка переиграла меня. Что за неведомая хрень вообще случилась?»*

Когда он наконец вернулся домой, раздражение ещё не утихло. Бросив ключи на столик в прихожей, он направился в ванную. Горячая вода, падающая на плечи, немного расслабила, но не вернула ему привычного контроля. После душа он надел любимую домашнюю рубашку, взял телефон и задумался о доставке еды. Быстренько пролистал меню на сайте. В холодильнике были какие-то продукты, но готовить сейчас или просить Марину? Ну его на фиг. Телевизор был включен, но он не смотрел – просто фоновый шум. Ему нужно было переключиться.

Марина зашла тихо, почти бесшумно. Он и не заметил, пока не почувствовал её взгляд. Она сидела на краю дивана, смотрела прямо на него. Её лицо было спокойным, но напряжённым. Он хотел пошутить, сказать что-нибудь о фильме, но замешкался. В этом взгляде было что-то неуловимо тревожное.

– Пока ты был в душе, – сказала она ровно, – я посмотрела твою переписку.

Он замер. Сердце сжалось, но снаружи он оставался спокойным. Слишком спокойным. Повернул голову, внимательно на неё посмотрел, стараясь не выдать растерянности.

– Переписку? Какую ещё переписку? – спросил он, притворяясь, что не понимает.

Она сжала руки в кулаки, не повышая голоса.

– С какой-то девушкой. С которой ты договорился встретиться в кафе. Ты забыл удалить её сообщения. Я прочитала. Ты был там с ней, да?

Её голос не дрожал. Он был слишком спокойным, что было даже хуже, чем крик. Миша пытался что-то сказать, но слова застряли в горле. Его мозг лихорадочно искал ответ, оправдание, любую лазейку.

– Марин, я… это не то, о чём ты думаешь. Мы просто… разговаривали. Да, мы встретились. Но это ничего не значит, – проговорил он, едва заметно пожимая плечами.

Её взгляд не изменился.

– Ничего не значит? – она поднялась, делая шаг вперёд. –

Ничего не значит?! Миша, ты думаешь, я не вижу, что это далеко не первый раз? Ты думаешь, я такая глупая, что верю в твои сказки про деловые встречи и поздние звонки?

– Марин, прекрати. – Его голос стал твёрже, но спокойным остаться не удалось. – Ты же знаешь, как много у меня работы. Эти встречи… это просто способ отвлечься. Это неважно. Главное – это ты. Ты и Ярослав.

– Ты… – Марина на мгновение замолчала, но только чтобы перевести дыхание. – Ты не понимаешь, насколько это отвратительно. Насколько я устала. Ты думаешь, что я просто буду сидеть и смотреть, как ты встречаешься с молоденькими дурочками? Ты думаешь, я это заслужила?

– Послушай, – он поднял руки, будто пытаясь её успокоить. – Ты слишком накручиваешь себя. Да, я виноват. Но я люблю тебя. Ты знаешь, что это правда.

– Любишь? – Её голос чуть дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. – Любишь? Это твоя любовь? Встречи с девушками за моей спиной? Ты мне так хочешь показать, что я уже старая для тебя?

Миша молчал. Ситуация выходила из-под контроля, и он это знал. Он хотел что-то сказать, но слова теряли смысл. Её глаза горели, её голос казался чужим. И впервые за долгое время он почувствовал, что теряет её. Точно теряет.

Марина, резко развернувшись, выскочила из комнаты. Дверь за ней с глухим стуком захлопнулась, оставляя Мишу одного в тяжелой, гнетущей тишине.

Он сидел, уставившись в пустой экран телевизора, и в его голове проносились обрывки мыслей. Что она хочет от него? Почему не понимает, что это просто… ну, просто ничего? Никаких глубоких чувств, никаких обязательств. Да, он был неправ, но разве это повод для таких сцен? Её крик, её дрожащий голос всё ещё звучали в ушах, раздражая и выводя из себя.

«Она просто должна понять, что это ничего не значит. Это не должно быть проблемой. Завтра поговорим. Сейчас не хочу ничего решать. Неужели я заслуживаю таких сцен?» – думал он, машинально потирая виски.

Миша пытался уцепиться за эту мысль, чтобы успокоить себя. Он уговаривал себя, что справится с этим. Что это лишь небольшая семейная размолвка. Однако что-то внутри него не давало ему расслабиться. Неприятное чувство, как будто контроль, под которым он привык держать ситуацию, на этот раз ускользнул. И это злило его ещё больше.

Он не мог сказать, что это было. Злоба на Марину? На девушку, которая вдруг оказалась не такой, как он ожидал? Или всё-таки на самого себя за то, что позволил всем этим эмоциям выйти из-под контроля? Он не хотел анализировать. Завтра будет новый день, он найдёт нужные слова, чтобы всё уладить. Сейчас главное – просто оставить это на потом.

Но напряжение не уходило. Оно нарастало, как надвигающаяся гроза, и Миша, сидя в одиночестве в тихой комнате,

вдруг понял, что впереди его ждёт нечто большее, чем очередной семейный конфликт.

Глава 2

Утро началось с гнетущей тишины. Миша проснулся, но Марина уже была на кухне. Послышались звуки открываемых шкафчиков, глухие удары чашек о столешницу. Она двигалась по кухне торопливо и напряжённо, избегая даже мельком взглянуть в его сторону, когда он вошёл.

– Доброе утро, – сказал он, усаживаясь за стол и пытаясь поймать её взгляд.

Ответа не последовало. Марина хлопнула дверцей шкафа, словно случайно, и поставила чашку на стол с таким видом, словно это была её последняя уступка. Миша поёрзал на стуле, ощущая всё возрастающее напряжение. Он попытался завести разговор, чтобы снять эту тяжесть.

– Слушай, я… – начал он, но Марина резко перебила:

– Ты не понимаешь, что я не могу так больше жить! – в её голосе был ледяной металл, который буквально пригвоздил его к стулу.

Миша замер. Она даже не повернулась к нему, продолжая мешать чай. Казалось, она выговаривала это не ему, а самой себе.

«Конечно, она злится. Но, чёрт возьми, почему я должен извиняться за то, что я – это я? Это просто небольшие развлечения. Важна семья, а не эти… эпизоды,» – оправдывал себя Миша, ощущая, как внутри него нарастает раздра-

жение.

Но вместо ответа он только тяжело вздохнул и потянулся к телефону. Её слова задели его за живое, но не так, чтобы он признал её правоту. Скорее, ему просто стало неуютно. Словно что-то привычное сдвинулось с места, оставляя после себя пустоту.

Когда он уже стоял в дверях, собираясь уйти на работу, Марина вышла из комнаты, остановилась в коридоре и уставилась на него. В её глазах была боль, сдержанная, но острая, как нож.

– Что, я для тебя уже слишком старая? – её голос дрожал, но оставался твёрдым. – Я прекрасно вижу, что ты меня больше не хочешь. Даже раз в месяц тебя буквально силой заставлять приходится… Ну извини, моложе я уже не стану. Я не хочу и не могу жить с человеком, который не видит во мне женщину. Хочешь, оставайся в сорок пять лет со своими малолетками, может хоть с ними будешь счастлив.

Она повернулась и ушла обратно в комнату. Дверь за ней закрылась, оставляя Мишу стоять посреди прихожей, застёгивая пальто. На мгновение он закрыл глаза. *«Зачем она это говорит? Что она хочет доказать?»* В глубине души он понимал, что она права. Но даже сам себе не мог в этом признаться.

Миша шагнул в офис, отряхивая капли дождя с пальто. Едва он подошел к своему рабочему месту, коллега за соседним столом, Василий, тут же поднял голову.

– Эй, Миш, ты чего такой? Выглядишь как будто не спал. – Василий улыбнулся, но в его голосе слышалась лёгкая насмешка.

Миша бросил на него беглый взгляд, словно взвешивая, стоит ли вообще отвечать. Потом всё же изобразил слабую улыбку.

– Да нормально, просто много дел. Знаешь, как это бывает. – Он сел, включил монитор и погрузился в документы, надеясь, что разговор завершится на этом.

«Да, конечно. Всем есть дело до моего состояния. Может, стоит улыбнуться и разыграть из себя счастливого семьянина? Только бы не вдаваться в подробности,» – подумал он, натянуто улыбаясь, когда мимо проходила секретарша.

Но работа шла из рук вон плохо. Взгляд всё время упирался в одну и ту же строку в отчёте, которую он перечитывал уже раз десятый. Внутри всё клокотало. *«Почему она не может понять, что всё не так уж и плохо? Зачем ей эта драма? Если бы я не заботился о ней, разве я был бы с ней, вместо того чтобы наслаждаться жизнью?»* Эти мысли мешали сосредоточиться, и Миша пару раз замечал, как допускает мелкие ошибки. Когда коллега из соседнего отдела позвонил, чтобы уточнить детали нового контракта, он на секунду замялся, вспомнив, что забыл внести одну правку. Всё это злило. Он привык держать всё под контролем, но сегодня контроль явно ускользал.

Ближе к обеду Василий снова подал голос:

– Слушай, Миш, как там твоя вчерашняя? Ну, та молоденькая. Ты же рассказывал, что договорился встретиться. Как она тебе?

Эти слова, как острый камень, врезались в голову. Миша поморщился, стараясь скрыть раздражение. Конечно, вчера он был уверен, что всё пойдёт как по маслу, и даже хвастался, но сейчас… Сейчас он хотел забыть этот вечер, вычеркнуть из памяти.

– Да ничего, – бросил он, стараясь звучать спокойно. – Ну, нормальная. Молодая, приятная. – Он пожал плечами, пытаясь уйти от темы. – Но давай лучше о делах, а то работы ещё полно.

Василий хмыкнул и вернулся к своим бумагам, но Миша уже не мог избавиться от тяжёлого осадка. Этим разговором его словно ткнули в рану, напомнили, что он вчера проиграл. Глупо. Не серьёзно. Но как же это его злило.

Миша снова уткнулся взглядом в монитор, но вместо цифр и строк перед глазами вновь встала вчерашняя картина. Он видел, как она сидела напротив: спокойная, уверенная в себе, с лёгкой, почти неуловимой усмешкой. В памяти всплыли её слова, которые сейчас звучали совершенно иначе.

«А если бы ты смог прожить другую жизнь?»

Тогда он просто отмахнулся от этой фразы, решив, что она просто пыталась показаться загадочной. Но теперь… Те-

перь она вгрызалась в сознание. Миша поёрзал на стуле, почувствовав, как нарастающее раздражение смешивается с непонятной тревогой.

«Она была не такая, как остальные. Неужели это она что-то сделала? Нет, чушь. Всё это… совпадение. Но почему она это сказала? И главное, как она это сказала. Она посмотрела на меня так, как никто до этого не смотрел.»

Он потер ладонью лоб, чтобы как-то сбросить напряжение. Эти мысли отвлекали, мешали сосредоточиться. Всё это началось после того вечера. Всё изменилось. Это чувствовалось в каждой мелочи: в том, как он отвечал на звонки, как общался с коллегами, как смотрел на экран, не видя текста.

В глубине души он не мог избавиться от ощущения, что именно после этой встречи всё пошло наперекосяк. Даже если он упорно уверял себя в обратном, всё равно что-то внутри подсказывало: цепочка событий началась тогда, когда он увидел ту загадочную усмешку и услышал ту странную фразу.

«Не может быть. Она ведь просто девчонка. Она же только недавно школу закончила. Как она могла так на меня повлиять? На меня, взрослого опытного мужчину! Но всё же, почему… почему я до сих пор не могу вернуться в норму?»

День близился к концу, а ощущение тяжести внутри только нарастало. Миша вернулся домой, но каждый шаг, каждый скрип половиц под ногами казался слишком громким в

гнетущей тишине. Марина даже не вышла в прихожую встретить его, не спросила, как дела. Её отсутствие чувствовалось остро, почти болезненно.

Он прошёл в гостиную, где сидел Ярослав, задумчиво листавший какую-то книгу. Мальчик поднял на него глаза и чуть нахмурился.

– Пап, у вас всё нормально с мамой? – спросил он, и в голосе слышалась искренняя забота, смешанная с детским непониманием.

Миша остановился на мгновение, потом сделал вид, что ничего необычного не произошло.

– Конечно, сынок. Просто она устала. Все в порядке, правда. – Он слегка улыбнулся, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Ничего страшного.

Ярослав кивнул, но по его лицу было видно, что ответ его не убедил. Миша развернулся и направился в спальню. По дороге он заметил, что дверь на кухню, где сидела Марина, закрыта, а за ней стояла та самая напряжённая тишина, которая утром уже выводила его из себя.

Он закрыл дверь спальни, бросил пиджак на стул и сел на край кровати. Голова гудела. Почему это чувство не проходит? Почему он чувствует себя так, словно сделал что-то ужасное?

«Это ведь неважно. Это даже изменой нельзя назвать, всё только на физическом уровне, ничего большего. Главное, что я её не брошу. Никогда. Я её люблю. А это всё… это

просто… игра. Да, игра. И все эти девчонки для меня ничего не значат. Они же одноразовые.»

Миша поднялся, открыл окно, впуская прохладный ночной воздух. Глядя на огни города, он старался убедить себя, что всё будет хорошо. Но мысль, что что-то пошло не так, что что-то изменилось, не оставляла его. В голове возник образ той самой девчонки, её загадочная фраза. Почему он не мог её забыть? Почему это вообще имеет для него значение?

Он попытался подавить эти вопросы, отмахнуться от них. Он всё ещё старался сохранить привычный образ: хороший муж, заботливый отец. Но с каждым часом, с каждым взглядом Марины и вопросом Ярослава, он всё больше чувствовал, что что-то меняется. И, что хуже всего, он не знал, как это остановить.

Миша уже собирался отправиться в постель, когда почувствовал странное давление в голове. Всё вокруг будто размывалось, предметы в комнате казались чуть менее чёткими. Лоб вспотел. Он нахмурился, потянулся к тонометру на прикроватной тумбочке. Давление в норме. Странно. Всё это было странно. Но списав это на усталость, он убедил себя, что утро принесёт ясность.

Когда он наконец лёг, странные ощущения не покинули его. Глаза закрывались тяжело, словно его кто-то удерживал в сознании. Но наконец веки сомкнулись, и он погрузился в странный, бессвязный сон. Он видел себя со стороны: он стоял, но это был не он, или не совсем он. Что-то происходи-

ло. Ощущения беспомощности и тревоги накрыли его с головой. Ему снилась девушка, та самая Аня, и в её взгляде было нечто, от чего всё внутри сжималось. Она улыбалась, но улыбка её была странной, неестественной, словно она знала что-то, чего он не понимал. Миша пытался понять, что она делает, что происходит, но образы сменялись один за другим, пока не осталась только темнота.

Он проснулся резко, судорожно вдохнув. В комнате было темно, но… что это за комната? Он заморгал, пытаясь прийти в себя. Поднял руку, чтобы потянуться к светильнику, но замер. Это не были его руки. Тонкие, хрупкие, с аккуратными, чуть длинноватыми пальцами. Пальцы двигались слишком гибко, суставы ощущались странно податливыми, как будто он впервые пробует ими пошевелить. Ощущение лёгкости в теле было почти неестественным. Он моргнул, не веря своим глазам, и осмотрелся.

Комната была крошечной, с узкой кроватью и маленькой тумбочкой. Простая, почти пустая. Каждое движение казалось чужим, неестественным: подняться, повернуться – тело откликалось иначе, как не родное, слишком легко, как ощущение невесомости. Миша не понимал, как оказался здесь. Зачем он сюда пришёл? Когда пришёл? Где он?

– Марина? – позвал он, но голос оказался чужим, слишком высоким и мягким. Не его голос.

Он знал, что это не сон. Всё было слишком реально. И это был не он.

Глава 3

Несколько секунд он лежал неподвижно, глядя в потолок, и не мог понять, что происходит. Комната была странная: низкий потолок, выкрашенные в ровный серый цвет стены, узкая кровать, на которой он едва умещался. Всё выглядело стерильно, но не уютно.

«Что за чёрт? Где я?» – первая мысль мелькнула в голове. Он резко сел, тело будто подкинуло. Накатывала волна паники: все казалось неправильным. Ему хотелось убедить себя, что это всего лишь сон. Наверняка, он просто заснул на диване, включив телевизор, и сейчас вот-вот проснётся.

Он ущипнул себя за руку. Слишком сильно. Боль была настоящей, резкой, жгучей. Он тряхнул головой, огляделся снова. Комната была слишком реалистичной, чтобы быть сном. *«Может, я… может, я выпил чего-то вчера? Или мне что-то подсыпали?»* Эта мысль не принесла никакого утешения. Наоборот, она ещё сильнее загнала его в тупик.

Он поднял руки к лицу. Опять эти руки. Чужие. Тонкие, нежные, с длинными, аккуратными пальцами. Он коснулся лица, волосы упали на плечи. Длинные светлые волосы. Сердце заколотилось быстрее. Он вскочил с кровати, глядя на своё отражение в металлической панели, которая едва отражала очертания. Не его тело. Не его руки. Не его волосы. Не его кожа.

Он обернулся, снова посмотрел на руки, провёл ими по телу – живот, грудь, плечи. Прикосновения подтверждали то, что он уже понял. Кожа – мягкая, мышцы – слабее, чем должны быть. Он остановился на груди, сжал аккуратно, без усилия. Мягкость была ощутимой. Размер – небольшой, максимум первый, но не оставляющий сомнений. Это была именно женская грудь!

Он замер, затем медленно скользнул рукой вниз. Задержался на животе, потом чуть ниже. Пальцы коснулись паха, и в ту же секунду стало ясно, что всё, что делало его мужчиной, исчезло.

Мозг словно на секунду дал сбой, пытаясь подобрать хоть какое-то объяснение.

Он не отпрянул, не закричал. Просто сел на край кровати, уставился в пол и попытался осознать, что делать с этим дальше.

«Нет, нет. Это не может быть правдой. Такого не бывает!» Он метался по комнате, пытаясь найти хоть какое-то объяснение. Но ничего. Никакого объяснения. Только пульсирующий в голове вопрос: *«Как? Почему?»*

Он был взрослым человеком, здравомыслящим, с техническим складом ума, привыкшим искать причину и устранять последствия, а не верить в выдумки. Инженер, аналитик, человек системного мышления. Всё, что напоминало фантастику, всегда оставалось в книгах и фильмах, а не в реальности. Такое просто не может происходить на самом

деле. Значит, это ошибка. Галлюцинация. Последствия удара по голове или каких-то препаратов. Возможно, он просто спит, и через минуту проснётся. Всё вернётся и встанет на свои места.

«Чушь. Полная чушь.» Он поднялся с кровати и начал ходить взад-вперёд, каждый шаг отдавался в теле какой-то странной лёгкостью, к которой он не привык. Гнев накатывал постепенно. Сначала лёгкое раздражение, затем ярость. Он размахивал руками, произносил вслух обрывки фраз, сам не понимая, что говорит.

– Что за бред?! Это просто… просто розыгрыш! Вот что это! – Он ударил кулаком по стене, но это было глупо: стены оказались прочными, а его рука – не его рука – была слишком слабой. – Кто-то подстроил это! Может, это она. Та девчонка. Может, она что-то сделала… Или… или кто-то из коллег? Эти идиоты всегда шутят! Какое-то высокотехнологичное… что-то…

Он замолчал. Слова звучали нелепо. Убедить себя в том, что это розыгрыш, становилось всё труднее. Но если это не розыгрыш, то что? Как? Он тряхнул головой, продолжая ходить по комнате. Паника и гнев перемешались, он ощущал себя в ловушке. И чем дольше он думал, тем сильнее закрадывалось чувство, что выхода нет.

Миша остановился, тяжело дыша. Вопросы не утихали: кто, зачем, почему? И самое главное – как? Он хотел доказательств. Хотел хоть что-то, что бы объяснило, что с ним

происходит. Но их не было. Только эта странная, неуютная комната, это тело, которое было не его, и этот голос в голове, который твердил, что всё это не должно быть реальным.

Миша судорожно перевёл дыхание, стараясь сосредоточиться. Паника никуда не уходила, но он знал: сейчас нужно разобраться, где он находится. Комната выглядела до нелепости простой: грубые стены, ни единой детали, которая могла бы подсказать, что это за место. Окна не было. На потолке тускло горела лампа, единственное, что освещало тесное пространство. В углу стояла тумбочка, рядом – узкая кровать. Ощущение пустоты и чужеродности этого места буквально накрывало его. Даже ни запаха, ни звука – как будто вокруг была абсолютная стерильность.

Он начал осматривать помещение, внимательно проходясь взглядом по каждому углу, затем подошёл ближе к стенам и начал ощупывать их ладонями, надеясь на неровность, щель или хотя бы след от скрытого люка. Мысль о том, что всё происходящее может оказаться частью странного розыгрыша или одного из тех квестов, про которые когда-то рассказывали знакомые, держалась недолго. С каждой минутой она становилась всё слабее. Здесь не было ничего, что напоминало бы игру или розыгрыш. Никаких подсказок, никаких признаков чьего-то присутствия. Даже элементарных удобств вроде туалета или умывальника.

Он опустил взгляд и заметил выдвижной ящик под кроватью. Тот двигался туго, с металлическим скрежетом. Внутри

лежала всего одна вещь – серый комбинезон из грубой ткани. Швы торчали наружу, материал был плотным, без подкладки. Ни молнии, ни пуговиц, ни карманов, ни маркировки. Спецодежда. Ничего лишнего.

Он взял комбинезон, развернул, осмотрел со всех сторон. Вещь была простой до абсурда.

«Что за чертовщина? Почему здесь нет ничего нормального?» – пронеслось в голове. И всё же это было единственное, что хоть как-то напоминало одежду. С отвращением он натянул на себя комбинезон, ощущая, как ткань холодит кожу. Он чувствовал себя смешным и жалким, как персонаж в дешёвой фантастике.

Дверь сразу привлекла его внимание. Гладкая, без ручки, с небольшим светящимся прямоугольником, явно электронный замок. Он инстинктивно толкнул её, нажал на панель, но ничего не произошло. Уверенность, что всё это розыгрыш, начала давать трещины. Он толкнул дверь сильнее, затем ударил кулаком. Металл был холодным и неподатливым.

– Это всё какой-то бред, – пробормотал он вслух, чтобы хоть немного успокоить себя.

Он подошёл к тумбочке, открыл ящик и нашёл внутри странный пластиковый браслет. Небольшой, чуть прозрачный, с непонятным рисунком и маленьким дисплеем. Миша покрутил его в руках, поднёс к свету. На мгновение его охватило смутное чувство, что он где-то уже видел нечто подобное, но воспоминание тут же ускользнуло. Слегка поко-

лебавшись, он надел браслет на руку. Тот удобно лёг на запястье, как будто был создан именно для него.

Миша снова подошёл к двери. На этот раз он медленно поднял руку с браслетом и точно приложил её к прямоугольной панели, которая продолжала слабо светиться на уровне плеча. Панель на мгновение окрасилась в зелёный, раздался короткий щелчок, и дверь медленно отъехала в сторону, открывая проход.

Он остановился на пороге и осмотрелся. Прямо перед ним тянулся узкий, слабо освещённый коридор. Стены были такими же гладкими и безликими, как в комнате, но теперь на них появились небольшие встроенные экраны. На некоторых из них мелькали непонятные символы, похожие на текст или команды, на других светились странные сообщения, значения которых он не понимал.

Тишина здесь ощущалась сильнее, чем внутри. Она была не просто фоном, а чем-то иным – глухим, плотным, давящим. Он сделал шаг вперёд, и напряжение внутри усилилось. Всё происходящее не напоминало ни квест, ни симуляцию, ни часть реального мира. Это было что-то другое. Совсем другое.

Миша осторожно вышел в коридор. Свет был мягким, но чуть раздражающим. Пол белёсый, чуть глянцевый, как будто постоянно подвергался чистке. Он посмотрел налево, потом направо: коридор уходил вдаль, кажется, без конца, теряясь в легкой дымке, что плавно обволакивала стены. С обе-

их сторон тянулись одинаковые двери, каждая с небольшим светящимся дисплеем наверху. Номер. Над каждой дверью горели цифры. Простой белый шрифт на тёмном фоне.

Он посмотрел на свою дверь: «16484». Миша заставил себя запомнить. Если ничего не получится, он хотя бы знает, откуда вышел.

В коридоре было тихо. Не абсолютная тишина, но близко к этому. Где-то на границе восприятия чувствовался слабый гул, похожий на отдалённый шум оборудования – возможно, вентиляции или систем жизнеобеспечения. Это напоминало фоновый шум офисных помещений, когда кто-то печатает или щёлкает мышью, и ты не слышишь это до тех пор, пока не останешься один. Но сейчас всё было иначе. Пространство было полностью пустым.

Миша осторожно двинулся вдоль стен. Все двери были одинаковыми – гладкий металл, дисплей над проёмом, никаких замков и ручек. Миша время от времени останавливался и прислушивался. Ничего не менялось. В воздухе ощущалась тревога, не острая, но нарастающая, как будто что-то должно было случиться.

Пару раз ему попадались двери, которые отличались от остальных. Они были шире, двустворчатыми, а индикаторы над ними светились ярче и крупнее, чем на обычных. Над одной из таких дверей он заметил надпись: «Area 516. Функц. Bath».

Он остановился, вчитался в текст. Буквы были похожи на

русские, но располагались странно. Слово «Функц» выглядело как сокращение, но от чего – неясно. Внутри слов проскакивали латинские символы, как будто надпись была на разных языках.

«Bath? Ванна? Функц? Что это вообще?» – Миша задержал взгляд на надписи, но подходить ближе не решился.

Он продолжил идти. Время потеряло значение. Коридор казался бесконечным. Однообразие начинало давить: двери, стены, свет, гул где-то вдалеке. Мысли в голове стали ещё громче.

«Это не розыгрыш. Такого просто не может быть. Кто бы мог такое провернуть? Это невозможно.» – чем больше он об этом думал, тем отчётливее понимал, что в природе просто не существует технологий, которые могли бы устроить что-то подобное.

Миша остановился, опёрся о стену и провёл рукой по лицу. *«Мне нужно выбраться. Узнать, что это за место, понять, где я. Только как? Кто вообще сможет мне ответить? Кто-то должен быть здесь, не может быть, чтобы я был один.»*

Он снова пошёл, теперь чуть быстрее, глядя по сторонам. Чем дальше он шёл, тем больше коридор казался ему ловушкой. И этот номер над дверью – 16484 – был единственным якорем, напоминанием о том, откуда всё началось.

Миша остановился у одной из дверей. Над ней горела надпись: «Общ. Area 211. Recr.». Он прочитал её дважды, пы-

таясь понять смысл. Слово «Recr.» могло быть чем угодно – от сокращения от «рекреация» до чего-то технического. Решать приходилось быстро. Сил почти не оставалось. Коридор выматывал, и не физически – однообразие, бесконечные одинаковые двери, равномерный свет, тишина, в которой каждый шаг звучал громче, чем хотелось бы. Немного поколебавшись, он приложил браслет к панели. Замок издал тихий щелчок, и створки плавно разошлись в стороны.

За ними оказалось просторное помещение. Освещение было ровным, мягким, по ощущению – как дневной свет, но источника не было видно. В центре стояли несколько низких столов. Мебель казалась простой, почти школьной – лёгкие стулья, плоские столешницы без каких-либо элементов декора. Вокруг столов находилось несколько человек. Все – молодые девушки, одетые в одинаковые серые комбинезоны, без каких-либо знаков различия. Никто из них пока не заметил его.

Миша застыл в дверях, не решаясь войти. Впервые с того момента, как он очнулся, он увидел людей. Настоящих. Кто-то переговаривался вполголоса, кто-то ел, сидя у стола, одна из девушек сидела, запрокинув голову, словно только что уснула или вот-вот заснёт. Помещение выглядело обжитым. Всё происходящее напоминало сцену из обычной жизни, но не до конца. Что-то в этом месте всё равно было не так.

Он присмотрелся внимательнее и почувствовал странное ощущение. Похожесть. Это были разные девушки, но их ли-

ца словно напоминали одно и то же лицо, слегка изменённое. Все светловолосые, с одинаково яркими голубыми глазами. Прически отличались, но не сильно: короткие стрижки, пучки, хвостики, косички. Черты лица были не то, чтобы одинаковыми, но в них явно читалась какая-то общая основа. Как будто они все были дальними родственницами или созданными по одному шаблону. Их возраст тоже настораживал: никому из них на вид не было больше двадцати пяти, а большинству едва исполнилось двадцать, если не меньше.

Миша сделал шаг вперёд, но замер. Что теперь? Подойти к ним, спросить, где он? Что здесь происходит? Или вернуться в коридор, закрыть дверь и попытаться найти что-то другое? Его сердце билось так громко, что он был уверен – оно эхом отдавалось в этом странном помещении. Но никто даже не посмотрел в его сторону. Они просто продолжали заниматься своими делами, словно он был частью интерьера.

Одна из девушек, сидевшая в центре комнаты, внезапно подняла голову и уставилась прямо на Мишу. Её голубые глаза прищурились, во взгляде мелькнуло раздражение. Она встала, чуть наклонив голову вбок, будто оценивая его.

– Лика, какого хрена ты припёрлась? – резко сказала она. Её голос прозвучал громко в относительно тихом помещении. – Тебя сюда никто не звал. Ты мне свою квоту честно проиграла, пошла вон отсюда.

Миша остолбенел. На мгновение он потерял дар речи. Лика? Какая ещё Лика? Это точно она мне? Но почему она так

смотрит? Он хотел было что-то сказать, но слова застряли в горле. Он попытался взглянуть на других девушек, надеясь увидеть хоть намёк на понимание, но их лица выражали только лёгкую настороженность. Теперь уже несколько девушек обернулись, пристально глядя на него. Одна, кажется, прищурилась. Их взгляды были совсем не дружелюбными. В глазах читалось откровенное недовольство, если не враждебность.

Ещё одна девушка, сидевшая у ближайшего стола, усмехнулась и бросила:

– Тебя, что и из твоего сектора тоже попёрли? Знаешь, я не удивлена. Но это не значит, что ты можешь заявляться сюда, как к себе домой.

Миша опустил взгляд. Все взгляды были прикованы к нему – холодные, оценивающие, словно к непрошенному гостю, нарушившему что-то святое. Он чувствовал себя полностью растерянным, чужим в этом странном мире, где все, казалось, знали правила, а он даже не понимал, что это за игра.

Он не знал, куда девать руки, куда смотреть, и только эта волна чужой враждебности заставляла его замереть в дверях, не решаясь сделать ни шагу вперёд, ни назад.

Глава 4

Миша остолбенел. Его мысли бегали от одной неуверенной догадки к другой, и в голове звенел глухой фон от пережитого шока. Девушка напротив, раздражённо подбоченившись, прищурила светло-голубые глаза и с язвительным смешком произнесла:

– Я смотрю, ты совсем тупая, чирка штопаная.

Голос у неё был колючим, резким. В следующую секунду ладонь с силой врезалась ему – точнее, ей – по лицу.

Эта пощёчина, неожиданная и болезненная, заставила его отшатнуться, и, прежде чем Миша успел обдумать свои действия, он разозлился. Слова вырвались сами собой, по привычке, как он сказал бы раньше, когда был мужчиной:

– Ты охренела, шлюха?

В помещении повисла неловкая тишина. Несколько девушек бросили на него мимолётные взгляды, но, увидев, что никто не собирается поддерживать конфликт, тут же отвернулись, продолжив свои дела. Лишь одна из них, стоящая неподалёку, задержала взгляд немного дольше. Она нахмурилась, словно услышала что-то неуместное, что-то неправильное. Миша заметил её задумчивый взгляд, но не придал ему значения.

Развернувшись, он быстрым шагом вышел из помещения, оказавшись снова в тёмном коридоре. Он шёл наугад, не

зная, куда свернуть, но и не желая оставаться на месте. Голова пухла от вопросов: где он, что это за место, почему его здесь называют Ликой и что вообще происходит. Одно было очевидно: это не сон и не розыгрыш. Но понимание этого не принесло ему ни капли ясности.

Коридор казался бесконечным, и каждый шаг эхом отдавался в стенах. Миша шёл уже несколько минут, пока не услышал за спиной лёгкие шаги. Обернувшись, он увидел ту самую девушку, которая смотрела на него с задумчивостью в общем помещении. Она подошла ближе, остановилась в нескольких шагах и, неуверенно улыбнувшись, сказала:

– Привет… Помнишь меня? Я Нита.

Миша кивнул, не отвечая. Он ждал, что она скажет дальше, но девушка лишь внимательно посмотрела на него, словно пытаясь найти что-то знакомое в его лице. После короткой паузы Нита заговорила:

– Слушай… те слова, которые ты сказала там… «ты охренела, шлюха…» Откуда ты их взяла?

Миша нахмурился. Её слова казались странными. Он пожал плечами:

– Ну… просто вырвалось.

– Просто вырвалось? – Нита чуть прищурилась. – Ты раньше не говорила такого. Никогда. Ты какая-то странная, Лика. Ты где таких слов нахваталась?

Миша отвёл взгляд, стараясь не встречаться с её глазами. Кажется, он привлёк внимание своим поведением. Но как

ему объяснить, что он сам ничего не понимает?

Нита прищурилась, поджав губы, и медленно проговорила:

– Ты реально либо слишком смелая, либо слишком тупая, раз заявилась к нам. Что с тобой?

Миша остановился. Девушка выжидала, поджав губы, словно давая ему возможность осознать собственную глупость. Светло-голубые глаза, такие же, как у всех здесь, казались ледяными, и от этого взгляда по спине пробежала дрожь.

Он пытался подобрать слова. Каждое из них казалось нелепым, неуместным. Всё происходящее рушило привычную картину мира. Он не знал, где находится, не понимал, почему она так смотрит, почему они все такие… одинаковые. Наконец, он выдавил:

– Если честно… я похоже память потеряла. Кажется, меня вчера ударили по голове. Я почти ничего не помню. Ни как сюда попала, ни почему я здесь.

Она хмыкнула.

– Ага, ударили по голове. Здорово. Ну, ладно, допустим. Но ты хоть понимаешь, где ты и что тут происходит?

– Понимаю, – соврал Миша, не зная, что ещё сказать в такой ситуации.

Он чувствовал себя потерянным. Если это игра, то слишком жестокая. Если сон, то почему он всё ещё не проснулся? Отчаянно пытаясь удержать её внимание, он рискнул:

– Почему здесь только девушки? Где все остальные? Где мужчины?

Её глаза стали круглыми, как у рыбы. Она на мгновение замерла, а потом медленно, как будто проверяя, не шутит ли он, произнесла:

– Ты… серьёзно? Какие ещё мужчины? Ты совсем больная, что ли?

Миша понял, что ляпнул что-то не то. Совсем не то. Она смотрела на него, как на полного психа. Оправдываться было поздно, но он попытался:

– Это… это всё из-за удара по голове. Всё путается. Наверное, я просто… не так выразилась.

Девушка медленно покачала головой.

– С твоим характером удивительно, что ты вообще ещё жива. – Её голос был едким, но уже без прежней остроты. Во

взгляде появился оттенок подозрения.

Миша замолчал. Он не знал, что сказать. Только догадывался, что сказал лишнего. И теперь вопросов было больше, чем он мог объяснить.

Нита села на пол напротив Миши, скрестив ноги, и устало вздохнула. Взгляд был усталый, раздражённый, но с оттенком любопытства.

– Ну ладно, слушай. Только давай договоримся сразу: если потом вспомнишь, что к чему, и начнёшь ржать надо мной – я тебе устрою.

Миша кивнул, стараясь сохранить лицо. Он был напряжён, но Нита, похоже, решила не останавливаться.

– У нас тут всё просто. Агрокомплекс. Баллы решают всё. Делай, что велят, приходи на работу вовремя, не качай права, выполняй норму – будешь жить. Не хорошо, но сносно. Получила штраф – падаешь ступенькой ниже. Ещё один – ещё ниже. И так, пока не скатишься до самого дна.

Она отвела взгляд, голос стал тише:

– А дно – это свинарник. Туда не хочет никто. Потому что там ты уже не человек. А… даже не знаю. – она помедлила, – чирка штопаная.

Миша насторожился. Это слово он уже слышал, но понятия не имел, что оно значит. Нита, кажется, уловила реакцию

и пояснила:

– Так здесь называют тех, кто умудрился получить штрафы за самое позорное нарушение. Потеряла девственность, а потом тайком её «восстановила». Вроде бы как ничего и не было, но все в курсе. И вот выходит – чирка штопаная. Здесь это ещё хуже, чем просто потерять баллы. Ну и так иногда называют тех, кто на самом дне.

Миша молчал, пытаясь переварить услышанное. Система, где всё решают штрафы, где даже личная жизнь под контролем, где за один промах можно попасть в адское место… Он никогда не видел ничего подобного. Ему казалось, что это не может быть реальностью.

– А у тебя сколько баллов? – спросила Нита, прервав его размышления.

Миша растерялся.

– Не знаю. А как узнать?

Нита указала на браслет.

– Нажми вот сюда.

Миша последовал её указаниям. Число, которое появилось на экране, было настолько низким, что у него на мгновение перехватило дыхание. Один штраф – и всё. Он окажется в свинарнике.

Нита усмехнулась, увидев выражение его лица.

– У тебя серьёзные проблемы. Ещё чуть-чуть, и тебя отправят туда, откуда не возвращаются. Удивительно, как ты вообще тут ещё держишься.

Его голова начала гудеть от напряжения. Он старался не подавать виду, что не понимает половины из того, что Нита говорит, но чувствовал, что долго притворяться не сможет. Ему срочно нужно было найти выход из этой ситуации.

Миша нахмурился, не отводя взгляда от цифр на браслете. Тревога начала постепенно перерастать в панику. Он посмотрел на Ниту.

– А у тебя с баллами что? Нормально?

Нита вздохнула, чуть пожав плечами, и отвела взгляд.

– Ненамного больше, чем у тебя, – тихо произнесла она. – Мы с тобой примерно в одинаковом положении.

Она на секунду замолчала, а потом добавила с лёгкой усмешкой, в которой чувствовалась горечь:

– Но я, во всяком случае, не штопаная, как некоторые.

Намёк был очевидным, но Миша предпочёл не комментировать. Да и Нита, кажется, не ожидала ответа. Её лицо снова стало серьёзным.

– Только от этого не сильно легче, – добавила она, глядя в

пустоту. – Здесь все на грани, всегда. Живёшь как на пороховой бочке. Одна ошибка – и всё. И всё равно нужно как-то держаться. Что ещё остаётся?

Миша почувствовал, как по спине ползёт холодный пот. Всё сжалось внутри. Где он? Что происходит? Почему должен волноваться из-за каких-то баллов, которых сам не зарабатывал и вообще не понимал, откуда они взялись? Он уже понял, в какой заднице оказался. Но чтобы не свалиться в панику, спросил первое, что пришло в голову:

– Спасибо, что помогаешь мне вспомнить. Но хотя бы что-то хорошее тут есть? Какие-то развлечения? Ну хоть что-то…

Нита усмехнулась, качнув головой.

– Ну, есть, конечно. Иначе бы мы тут свихнулись давно. Вирт. Вот и все развлечения.

– Вирт? – переспросил Миша.

– Виртуальная реальность, – объяснила Нита. – В основном ломаный, потому что легальный – скука смертная. А в этом можно такое творить… и никто не запалит. Но дорого. Квота – мизер. Ты свою Ташке слила, потому она так и взбесилась, когда ты припёрлась. Решила, что будешь назад требовать.

Миша молча смотрел на неё, чувствуя, как голова шла кругом. Он пытался понять смысл её слов, но чем больше он размышлял, тем меньше всё это походило на реальность. Всё

звучало так, будто это какая-то грёбаная игра, только ставки в ней были слишком высоки.

Он чувствовал, что ещё немного – и сорвёт крышу. А может, уже.

Миша наконец решился задать вопрос, который его мучал с самого начала. Он осторожно подбирал слова, стараясь, чтобы они прозвучали максимально естественно.

– А почему мы все такие… ну, похожие что ли? Как сёстры?

Нита фыркнула, а затем тихо засмеялась, будто Миша только что выдал что-то совсем нелепое.

– Ну даёшь… а я-то всё думала, что ты прикалываешься.

Миша растерянно моргнул, и Нита, увидев его недоумение, пояснила:

– Потому что мы мыши.

– Мыши? – Миша почувствовал, как внутри всё напряглось. Это слово показалось знакомым, но значение было всё так же непонятно.

– Ну… инкубаторские. Но обычно нас мышами зовут. Типа лабораторные, понимаешь? Выращенные в лаборатории. – Нита кивнула сама себе, словно пытаясь упрощённо объяснить очевидное. – Хотя… какие там лаборатории. Заводы скорее.

Она сделала паузу, взглянула на Мишу, а потом добавила:

– Никто там скорее всего особо не парится с внешкой. Видимо, есть у них один шаблон. Вот по нему нас и штампуют. Вот мы тут все такие «разные» и ходим.

Она хмыкнула, глядя куда-то в сторону.

– Как друг дружку не путаем, сама не знаю. Наверное, привыкли.

Несколько дней слились для Миши в одно бесконечное однообразие. Ранний подъём, чёткий распорядок, строгие нормы. В этих серых буднях ему оставалось лишь наблюдать за окружающими, делать выводы и постепенно учиться, как не нарушить ту хрупкую «гармонию», в которой он оказался.

С самого начала стало понятно: дружбой между девушками тут и не пахнет. Напряжение в воздухе можно было резать ножом. Каждая девушка в этом агрокомплексе словно ходила по минному полю, стараясь не дать лишнего повода коллегам. Миша быстро понял, что тут царят доносы и подозрения, а не товарищество. Ошибка, недовыполненная норма, не вовремя брошенное слово – и ты можешь стать мишенью. И не от начальства, а от своих же, которые ждали момента, чтобы заработать несколько баллов на чужих промахах.

Работа оказалась изнурительной. Тяжёлый физический труд, однообразие, вечный хруст зелени, запахи теплиц, от которых к концу смены мутнело в голове. К этому миру он

был совершенно не готов. Вокруг крутились девушки, которые, казалось, не отличались ни острым умом, ни богатством интересов. Их разговоры в перерывах сводились к виртуальной реальности – их главной отдушине – и бесконечным сплетням. Всё, что выходило за эти рамки, казалось им скучным или ненужным.

И всё-таки в этом женском коллективе был ещё один важный нюанс: страх. Вездесущие камеры, которые фиксировали каждое движение, и угроза штрафов за любое нарушение удерживали их от прямых столкновений. Вместо этого агрессия выплёскивалась в едкие комментарии, насмешки и постоянные провокации. Миша, он же теперь Лика, не стал исключением.

– Чирка штопаная, чего с неё взять, – бросала одна.

– Задержку по норме опять из-за неё всем закрывать, – подхватывала другая.

Эти слова, сначала обжигающие, потом стали почти привычными. Но Миша держался, не отвечая. Он уже понял, что каждая реплика в его сторону – это проверка, попытка сломать его терпение, заставить совершить ошибку. И он пока что побеждал, просто не реагируя.

Нита, как ни странно, была чуть ли не единственной, кто иногда подходил и коротко говорил, что делать, чтобы избежать ещё большего давления. Она делала это нехотя, словно не до конца понимая, почему вообще помогает. Но благодаря её советам Миша уже не ошибался в простейших за-

дачах, не давал поводов для наказаний и учился существовать в этом странном, враждебном мире. Правда, говорить о дружбе с Нитой было смешно. Она держалась на расстоянии, помогала ровно настолько, насколько было необходимо, и сразу отступала.

Так шли дни. Непривычные, тяжёлые, заполненные напряжением и сдержанным ожиданием чего-то ещё. Миша продолжал держаться, но в глубине души знал, что это только начало.

Миша лежал на своей узкой койке, уставившись в потолок. Полумрак комнатушки почти не оставлял места мыслям, но сейчас они, напротив, не давали ему покоя. Разве могло быть иначе? Все эти правила, запреты, странная мораль – всё складывалось в одну жуткую картину. Это не было просто обществом. Это был муравейник. Рабочие муравьи, созданные только для выполнения определённых функций.

Он размышлял, вспоминая свой прежний, «нормальный» мир. Тогда ему казалось, что жёсткие запреты давно в прошлом. Но здесь… Всё выглядело иначе. Даже Северная Корея могла показаться раем, по сравнению с этим местом. Запрет на самоудовлетворение, строгая мораль. Для чего? Ответ был на поверхности: чтобы держать их под контролем. Если бы девушки могли свободно удовлетворять свои желания, если бы они могли создавать пары, любить друг друга, система бы ослабела. Продуктивность рухнула бы. А так они получают строго дозированную порцию удовольствия.

Виртуалка. Миша вспомнил об этих странных, почти сакральных для здешних девушек, штуках. Они сидели на этом как на наркотике. Их ничего больше не интересовало. Они боялись потерять доступ, боялись провиниться, боялись быть пойманными на том, что пользуются нелегальными модами. Всё, что выходило за рамки этого жёсткого порядка, казалось им грехом.

Он понимал, что это система. Система, выстроенная таким образом, чтобы никто не думал, не задавал вопросов, не искал выхода. Настучи на подругу – получи баллы. Перевыполни план – вот тебе квота. Провинился – лишился.

Эти мысли не давали ему уснуть. Они жгли, как огонь. Ему казалось, что ещё немного – и он сорвётся, но что мог он сделать? Разве что терпеть и стараться понять, как выжить в этом «муравейнике».

На следующий день, проходя мимо рабочей зоны, Миша заметил группу девушек, которые столпились вокруг одной из своих. Высокая и тонкая, с белёсым хвостиком, она стояла, опустив взгляд. Её плечи были напряжены, как натянутая струна. Она явно пыталась выдержать поток обвинений, обрушившихся на неё.

– Опять норма не выполнена, да? Сколько уже можно прощать?

– И кто нас из-за тебя вытягивать будет, а?

– Сама на вирт-то баллов себе насобирала, а нам за тебя отдуваться.

Голоса были высокие, звенящие, как острые ножи. Насмешки сменялись упрёками, а те – язвительными замечаниями. Девушка не отвечала. Только сжимала руки в кулаки, как будто это могло ей помочь справиться.

И вдруг рядом с ней возникла Нита. Она вышла из тени, словно материализовалась. Миша замер, наблюдая за её движениями: спокойными, но решительными. Нита встала перед толпой, преграждая им путь, и молча взглянула на зачинщицу. Та, невысокая и коротко стриженая, сразу сбавила тон, но не отступила.

– Ну чего ты лезешь? Это ж не твоя проблема! – коротко стриженная уставилась на Ниту, но в её голосе появилась нотка неуверенности.

– Лезу, – спокойно ответила Нита. Её голос был ровным, почти холодным. – А ты чего думаешь? Что, если все на неё накинулись, она сразу поднимет норму? Прямо сейчас, да? Может, ей только хуже от этого. Или ты уже забыла, как тебя саму трясло в первую неделю здесь? Хочешь напомню?

Коротко стриженная открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала. Другие девушки начали переминаться с ноги на ногу, кто-то опустил взгляд, кто-то пробормотал что-то неслышное. Но больше никто ничего не добавил.

– Ладно, – буркнула зачинщица, махнув рукой. – Чёрт с ней. Пошли, девчонки.

Толпа разошлась, оставив Ниту и девушку с белёсым хвостиком стоять вдвоём. Миша заметил, как Нита ещё раз посмотрела на ту через плечо и бросила тихое: «Справишься». Потом быстро скрылась, словно ничего и не было.

Девушка осталась на месте, всё ещё прижимая руки к груди, но в её лице было заметное облегчение. Она не поблагодарила вслух – только коротко кивнула в сторону Ниты. И никто больше не подходил к ней с упрёками.

Миша внимательно наблюдал. Он не мог не отметить, как в этой резкой, саркастичной девушке, скрывалось нечто человеческое, тёплое. Может быть, она не была такой равнодушной, как казалось на первый взгляд.

Её поведение по отношению к нему тоже стало меняться. Она стала замечать, как он старается не делать ошибок, как держится в рамках, чтобы не потерять баллы. Однажды, мимоходом, Нита поинтересовалась, как он себя чувствует. Это не выглядело как жест доброты. Скорее как случайный вопрос, чтобы просто заполнить неловкую тишину. Но Миша почувствовал, что она начала воспринимать его как личность, а не как ту самую «Лику».

Это был уже последний час смены, когда Миша заметил Ниту. Она стояла у одного из стеллажей в теплице, тяжело опираясь на него рукой. Её лицо было напряжённым, лоб блестел от пота. Вместо того чтобы ловко и быстро работать, как всегда, она передвигалась как-то неловко, с трудом переставляя ноги. Он подошёл ближе, чтобы разглядеть. Нита

слегка хромала, её правая ступня странно выворачивалась при каждом шаге.

– Что случилось? – тихо спросил он, понизив голос, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Подвернула, – коротко ответила она, даже не глядя на него. В её тоне не было жалобы – скорее раздражение. – Ничего страшного, доработаю как-нибудь.

Но было видно, что с каждым движением ей становится всё сложнее. Она пыталась удерживать норму, но скорость её работы явно упала. Миша наблюдал, как она вытирает лоб тыльной стороной ладони, как тяжело дышит, как избегает смотреть на коллег, чтобы никто не видел её состояния.

Миша задержался на мгновение. Внутри всё спорило: это не его дело, она сама справится, он и так еле держится на плаву. Но вид её перекошенного лица, её попытки выглядеть сильной и независимой – всё это заставило его действовать.

– Давай помогу, – тихо сказал он, подходя ближе.

Нита удивлённо подняла бровь, но тут же хмуро ответила:

– Не надо. Ты сама ещё не привыкла. Ещё испортишь что-нибудь.

– Попробую не испортить, – отрезал Миша, беря в руки инструменты.

Он начал работать рядом с ней, выполняя её часть заданий. Нита, казалось, сдалась, позволила ему помочь, но не сказала больше ни слова. Только молча наблюдала, как он

возится с тепличным оборудованием, как аккуратно подрезает растения, как раскладывает их на стеллажи.

Когда работа была завершена, она просто кивнула. Этот жест был едва заметным, почти неуловимым. Никаких слов благодарности. Никакой улыбки. Нита просто отвернулась и ушла, всё ещё прихрамывая.

Миша провёл рукой по лбу, пытаясь понять, что только что произошло. Ему казалось, что он сделал правильный выбор. Даже если это не изменило отношения Ниты к нему, он знал, что поступил по совести.

Но с этого дня её отношение изменилось. Она не стала вдруг улыбаться или говорить комплименты. Но теперь в перерывах на еду они иногда перекидывались парой слов. Это были короткие, отрывистые разговоры, но в них появлялось то, чего раньше не было: лёгкость. Миша понял, что это первый, пусть крохотный, но шаг к доверию.

Миша сидел на краю узкой койки и рассеянно крутил на пальце пластиковый браслет, который носили все в этом странном мире. Мысли роились в голове, и каждая казалась нелепее предыдущей. Как он здесь оказался? Почему? И главное – зачем? Всё, что с ним случилось за последние дни, казалось злой шуткой.

Он вспомнил свою прежнюю жизнь. Ему нравилось быть самим собой – уверенным, успешным мужчиной, который мог очаровать любую молоденькую девушку, соврать ей с три короба, добиться своего, а потом исчезнуть, оставив её с раз-

битым сердцем. Ему было удобно думать о них как о мимолётных развлечениях, одноразовых игрушках, которые нужны только для того, чтобы доставлять ему удовольствие.

И теперь, по какой-то странной иронии судьбы, он оказался в теле одной из таких девушек, причём абсолютно его типаж. Молодая блондинка с голубыми глазами, лет восемнадцати-девятнадцати. Он сам стал тем, кем раньше так пренебрегал. Миша усмехнулся – если это шутка, то уж точно не смешная. Он подумал о том, что это всё может быть наказанием. Кара за грехи. Или, может, он умер и это его персональный ад? Карма, в которую он раньше не верил, вдруг отыгралась на нём по полной?

Тут ему в голову пришло воспоминание о последней девушке, с которой он встретился в кафе. Как её звали? Аня? Да, точно. Именно после той встречи всё пошло наперекосяк. Её странные слова, на которые он тогда махнул рукой: «А если бы вы могли прожить другую жизнь?» Что она имела в виду? Неужели это как-то связано? Но как? Это невозможно! Это ведь просто нереально.

Миша потерянно вздохнул и поднялся с койки. Он уже знал, что не найдёт ответов, просто сидя и размышляя.

На следующий день, за обедом, он снова разговорился с Нитой. Они сидели в столовой – длинные ряды столов, равнодушный шум других девушек, скрип металлических подносов. Миша решил попробовать выведать у неё больше о своём новом прошлом.

– Слушай, Нита, ты мне поможешь вспомнить, что со мной произошло? – осторожно начал он, стараясь говорить так, чтобы его слова звучали максимально естественно. – Почему… ну, почему меня называют чиркой штопаной?

Нита усмехнулась.

– Серьёзно? Ты и этого не помнишь?

– Если бы помнила, не спрашивала, – огрызнулся Миша, стараясь не показать, как сильно его задевает этот разговор.

Нита покачала головой.

– Ну ладно. Это не то, что кто-то делает по своей воле, если уж на то пошло. Кто в своём уме пойдёт на такое, особенно понимая, что потом всё равно каждая узнает? Тут раз в месяц осмотр, и если не вернёшь всё, как было, то каждый раз штрафы получай.

– Тогда зачем это вообще делать? Ради эксперимента?

Нита засмеялась. Смех был тихий, холодный.

– Нет, конечно. Это форма мести. Вот, например, ты. Заложила девчонку. Она считала тебя своей подругой, а ты её сдала. Из-за этого она угодила в свинарник. А её подружки потом поймали тебя, затащили в слепую зону, куда камеры не добивают, и «порвали» немного. Ну, а тебе что оставалось? Сломать руку, попасть в больницу, отдать врачу всю квоту, чтобы тебя заштопали. Говорят, то ещё удовольствие,

без наркоза.

Миша слушал, не зная, как реагировать. Он видел, как Нита внимательно смотрит на него, пытаясь что-то понять.

– Ты знаешь, – продолжила она, – я всё равно не могу поверить, что ты всё это забыла. Память – дело такое, конечно, но характер-то так не меняется. Особенно такой поганый, как у тебя был.

Её слова были прямыми, почти грубыми. Но в них было что-то ещё – нотка сомнения, как будто она не до конца верила, что Лика, которую она знала, и человек, сидящий перед ней сейчас, были одним и тем же.

Глава 5

Однажды вечером, когда Миша уже собирался лечь, в дверь негромко постучали. Ответить он не успел – Нита вошла без слов, быстро огляделась и, убедившись, что никого нет, закрыла за собой дверь. Лицо было хмурым, напряжённым.

– Есть тут… одно место, – начала она, понизив голос. – Думаю, тебе стоит пойти со мной. Только предупреждаю: там чужим не рады. Особенно таким, как ты.

– Таким, как я? – переспросил Миша, стараясь говорить ровно, как будто вопрос не задел.

Нита усмехнулась.

– Ну да. Ты же не помнишь ничего, Лика. Но даже с потерей памяти, многие тебя… мягко говоря, не любят. Но я объясню, не переживай.

Миша почувствовал, как внутри всё сжалось. Он коротко кивнул и пошёл следом.

Нита привела его в полуосвещённую комнату на другом конце комплекса. Это была какая-то старая, заброшенная подсобка. Там, среди старых стеллажей и потрёпанной мебели, сидели несколько девушек. При их появлении разговоры стихли. Все взгляды устремились на Лику.

– Это что, она? – спросила одна из них, коротко стрижен-

ная, с холодным взглядом. Сказано было без эмоций, но по глазам было ясно – чужих тут не ждали. Она смотрела так, что хотелось сделать шаг назад.

Нита кивнула.

– Да, но не надо кипятиться. Я всё объясню.

– У тебя минута, чтобы объяснить, зачем ты притащила эту крысу, – перебила её другая девушка, сидящая в углу. Она выглядела немного старше остальных, смотрела в упор, спокойно, без раздражения. Возможно, это было желание понять, что здесь происходит.

Нита вздохнула и повернулась к ним.

– Слушайте, я знаю, что вы о ней думаете. И, возможно, вы правы. Но она… другая сейчас. Она говорит, что ничего не помнит. Она хочет понять, что происходит, и… я думаю, она заслуживает шанса.

Миша стоял, опустив голову, как будто пытался спрятаться. Ему было трудно даже дышать. Он чувствовал эти взгляды, холодные, колючие.

– Не помнит, значит? – протянула та, что сидела в углу. – Память, говоришь, потеряла? Верится с трудом… Ну ладно, допустим. Но мы будем наблюдать за тобой. Слушай внимательно: одно слово, один косяк – и ты вылетаешь. Без предупреждений. Навсегда. Поняла?

Миша кивнул.

– Да, – произнёс он практически шёпотом.

– Ладно, – кивнула та, она явно была лидером в этой группе. – Можешь остаться. Пока что.

Нита облегчённо выдохнула и слегка толкнула Мишу в сторону стола, где уже сидели несколько человек.

– Давай, – сказала она. – Просто слушай и не нарывайся.

Миша сел рядом с остальными, стараясь держаться спокойно. Он не мог поверить, что Нита пошла на такой риск ради него. Он решил, что не подведёт её.

Собравшись за старым, покосившимся столом, девушки заговорили шёпотом. Каждая смотрела по сторонам, как будто ожидала, что вот-вот откроется дверь и в комнату ворвутся проверяющие. Нита сидела напротив Миши, скрестив руки на груди, и молчала. Миша осторожно наблюдал, стараясь вникнуть в разговор.

– Опять на прошлой неделе квоту срезали, – негромко сказала коротко стриженная девушка. Её звали Сая, и в её голосе слышались гнев и усталость. – Теперь вообще без нормального вирта сидим. А ещё говорят, что это ради нашего же блага.

– Нашего блага? – фыркнула другая, по имени Лира. Она казалась старше остальных, и от её взгляда Мише становилось не по себе. – Да они просто боятся, что мы совсем сторчимся и разболтаемся. Увидим, как живёт элита, и начнём

задавать вопросы. Вот и режут доступ.

Миша нахмурился, пытаясь понять, о чём идёт речь. Он внимательно слушал, но чувствовал себя чужаком. Девушки обсуждали, как нелегально получить доступ к информации, которая находилась за пределами их уровня допуска. Говорили о закрытых форумах, на которые можно попасть, используя старые устройства, у которых не обновляли защиту. Кто-то упомянул, что на днях одна девушка из сектора 48-Б, как-то связанная с хакерами, всё-таки получила несколько мегабайт данных о том, что произошло десятилетия назад.

– И что там было? – спросила Лира, наклонившись ближе.

– Да так, крохи, ничего нового, – отмахнулась Сая. – Мол, в начале тридцатых мужчины начали умирать. Эпидемия какая-то. Но как и почему – никому не известно. Всё засекречено. Если поймают с этими файлами, считай хана.

– А элита? – спросил кто-то из угла. – Они что, не знают?

– Знают. Наверняка знают, у них же совсем другие уровни допуска, – угрюмо ответила Лира. – Но кому это надо? Лучше сидеть в своих хоромах и дальше руководить мышами. Мы для них только рабочая сила. Никому не интересна правда.

Миша напрягся. То, что он слышал, казалось ему абсурдом. Но в этом мире всё было абсурдным.

– И всё-таки почему ИИ запрещён? – спросила Лира, понизив голос. – Я помню, слышала, что это как-то связано с той эпидемией. Кто-то сказал, что тогда начали внедрять но-

вые ИИ-системы, и что-то пошло не так.

– Опять эти слухи, – перебила Сая. – Да кто знает, что там было. Мы ведь только обрывки слышим. А всё, что в архивах, под таким замком, что туда даже элита не сунется.

– Уверена? – Лира подняла бровь. – А я слышала, что элита как раз пользуется некоторыми из старых систем. Только тихо, чтобы никто не знал.

– Хватит уже, – хмыкнула Сая. – Это всё домыслы. Никто не знает правды, и если мы продолжим искать, и даже просто говорить об этом, нас просто отправят в свинарник.

Миша молчал, боясь случайно выдать себя. В груди ощущался неприятный холодок, как будто он стоял на краю скользкого обрыва. Эти девушки… да, они были его первыми союзниками, но он прекрасно понимал: одно неверное слово – и ему конец.

Он украдкой взглянул на лица, что окружали стол. Нита сидела прямо напротив, её губы были плотно сжаты, а взгляд напряжён. Остальные перешёптывались, иногда косились на него. Одна из девушек – с двумя косичками – усмехнулась и, шепнув что-то соседке, громко сказала:

– Ну что, штопаная, нравится быть среди нас?

Смех пробежал по комнате. Миша почувствовал, как к лицу приливает жар, но он заставил себя не реагировать. Внутри же кипела буря. "Штопаная… – повторил он про себя, сжимая кулаки под столом. – Чёрт, как мне не сорваться?

Лика ведь, похоже, была не подарок. Они просто ненавидят её. И я здесь словно в капкане, вынужден играть её роль."

Он напряг лицо, пытаясь придать ему безразличное выражение. Как ни странно, это сработало. Девушка с косичками отвернулась, а остальные будто потеряли к нему интерес.

– Штопаная, – шепнула она с лёгкой насмешкой. – Чего с неё взять…

Миша сделал вид, что не услышал, но на душе было гадко. "Похоже я для них мишень. Это… это какая-то шутка судьбы. Может, даже наказание. Если это ад, то весьма изобретательный."

Снова заговорила Нита. Её голос был чуть мягче, чем обычно:

– Давайте к делу. Нам нечего терять, так что будем работать с тем, что есть.

Миша начал осознавать, насколько несправедлива эта система. Эти девушки, несмотря на разобщённость и взаимную настороженность, пытались хоть как-то вырваться из замкнутого круга невежества и контроля. Их разговоры напоминали лоскутное одеяло из слухов, догадок и обрывочных фактов, но для Миши даже такие «лоскуты» были важны. Теперь он понимал чуть больше: как исчезли мужчины, как выстроилась иерархия «мышей» и элиты, как общество превратилось в такую жёсткую структуру.

Миша украдкой наклонился к Ните и, стараясь говорить

как можно тише, чтобы не услышали другие, задал ещё один вопрос:

– А что за элита? Это кто такие?

Нита снова посмотрела на него так, словно он только что упал с неба. Её лицо выразило явное сомнение в его здравомыслии, но через мгновение она всё же ответила:

– Элита – это те, кто рождён по-нормальному, – сказала она с ноткой раздражения. – То есть обычным путём, женщиной, через оплодотворение. Их немного, но они и рулят всем. А мы… мы не то, что второй сорт, а вообще никакой. Рабочая масса. Нас за людей не считают, понимаешь? Просто винтики в системе.

Миша сглотнул. Её слова звучали холодно, как приговор.

– А почему так получилось? – спросил он, снова понизив голос.

Нита слегка пожала плечами, как будто сама не была уверена в своём ответе:

– Не знаю. Никто толком не знает. Вроде, когда мужчины исчезли, там ещё какие-то войны были. Бабские, что ли, или как их там называли. Рабочих рук не хватало, воевать некому было, погибло очень много, вот нас и начали штамповать в больших количествах. Как расходный материал.

Миша сидел молча, обдумывая её слова. Всё, что он узнал за этот вечер, казалось ему одновременно пугающим и невероятным, но и эти обрывочные сведения были для него первым шагом к тому, чтобы начать разбираться в том, что на самом деле происходит в этом мире.

Нита сидела напротив – напряжённая, молчаливая, словно взведённая пружина. В тусклом свете её лицо казалось уставшим. В глазах – что-то похожее на печаль, перемешанную с той тихой, злостью, которая скапливается только у тех, кто слишком долго живёт в клетке.

– Понимаешь, – произнесла она наконец, и голос её прозвучал глухо, почти без эмоций, – раньше ещё были такие, кто верил, что можно что-то изменить. Боролись. Собирались тайно, планировали, писали… говорили. Некоторые даже пытались обратиться к элите. Открыто. Думали, достучатся.

Миша слушал, не дыша. Пальцы сами собой сжались на краю стола, и он не сразу заметил, как побелели костяшки.

– А что с ними стало? – спросил он. Старался говорить ровно, но голос всё равно дрогнул.

Нита хмыкнула. Это был не смех. Ближе к отголоску боли.

– Никто не знает точно. Кто-то исчез. Без следа. Кто-то – «переведён в другой сектор». По крайней мере, так официально. Только никто никогда не возвращался. Ни писем, ни сообщений, ни слухов даже. Тишина. Но если подумать, догадаться не сложно…

Она замолчала на секунду, словно прислушиваясь к собственным мыслям.

– Потом пошли облавы. Проверки. Стало понятно: сопротивление – это билет в никуда. Даже если где-то кто-то ещё остался, нам об этом знать не дано. А если узнаем – уже не будем в состоянии воспользоваться.

Миша чувствовал, как у него внутри всё холодеет. Эти слова не были новостью, он и сам догадывался, но услышать их так… вслух… это было как удар ниже пояса.

– Но… разве никто не продолжает бороться? Хоть кто-то?.. – Он запнулся. – Сопротивление, подполье… Люди ведь не могут просто…

– Люди? – Нита вскинула голову. Её голос теперь звучал жёстче, как нож по стеклу. – Ты всё ещё думаешь, что мы здесь люди?

Он замер. Словно волна холода пробежала по позвоночнику.

– Мы – продукт. Расходник. Ты когда-нибудь слышала, чтобы отвертку звали по имени? Или, не знаю… чтобы шуруп жаловался, что у него тяжёлая жизнь? – Она фыркнула. – Вот и мы. Работаем – молодцы. Сломались – в утиль. Задумались – на корректировку. Вякнули не в ту сторону – свинарник. Без следа. Без протокола. Без вопросов. И никто не заплачет.

Она замолчала. В помещении повисла тишина, только где-то за стеной что-то глухо жужжало – будто напоминание, что

жизнь продолжается… где-то там, за пределами их замкнутого мира.

– Сопротивление? – Нита снова заговорила, уже тише. – Это сказка. Для тех, кто ещё не устал. Нам некуда идти. Нас никто не ждёт. Нам некуда спрятаться. Единственное, что у нас есть – это потолок над головой и штрафные баллы. Всё остальное – иллюзия.

Она опустила глаза и добавила уже почти шёпотом:

– Но это убивает. Внутри.

Миша не ответил. Он просто сидел, сжав кулаки на коленях, и чувствовал, как изнутри, медленно и тихо, поднимается злость. Не та, что рвётся наружу, а другая – вязкая, тягучая, затаённая. Она пока не имела формы, но уже жила в нём. И в этой злости зарождалась мысль. Не идея. Не план. Просто мысль.

Если не они… то, может, я?

Если не сейчас – то когда?

Он посмотрел на Ниту. Её лицо казалось чужим. Но в нём было что-то до боли родное.

Миша выдохнул. Впервые за долгие часы – спокойно, без дрожи. И, стараясь не смотреть ей в глаза, тихо сказал:

– Поняла.

В следующий раз они собрались в старом вентиляционном отсеке – узкое помещение со сдвинутыми панелями на стенах, слабым запахом пыли и ржавчины. Света не было, кроме тусклого блика от аварийного фонаря, что слабо осве-

щал лица. Нита говорила тихо, почти шепотом, а остальные слушали – кто с интересом, кто с тревогой.

Миша сидел на жёсткой трубе, притулившись к стене. И всё вроде шло нормально… до тех пор, пока не раздался странный звук.

Глухой щелчок. Потом ещё один.

– Что это было? – насторожённо спросила Лира, вытянув шею.

Секунда, вторая. Затем в помещение ворвался яркий свет.

Резкий белый луч прожектора ударил в лицо, за ним второй – по стенам, вырывая из темноты силуэты. Кто-то вскрикнул. Дверь в отсек сорвалась с петель с громким металлическим визгом, и в проём ворвались тени в тёмных бронекостюмах. Чётко. Слаженно.

– Всем оставаться на месте! Работает СВК! – раздался резкий женский голос, усиленный встроенным динамиком. – Руки на голову! Немедленно!

Началась паника. Девушки бросились в стороны – кто-то в слёзы, кто-то в истерику. Миша остолбенел. Служба Внутреннего Контроля. Всё. Приплыли.

Он успел заметить, как Нита схватила Лиру за руку, и жестом подозвала его. Не раздумывая, он рванул к ним.

– Быстро! – прошипела она. – За мной!

Они юркнули в узкий технический люк в стене. Туда, где когда-то была старая труба вентиляции. Сейчас это был полуразрушенный, забытый коридор, в который давно никто

не заглядывал.

За спиной доносились крики, топот, треск электрошокеров.

Миша едва не упал, зацепившись за край люка, но Нита вытянула его. Сердце стучало в висках, дыхание сбилось. Они мчались по коридору, как слепые, по памяти Ниты, петляя в лабиринте проходов, где камеры давно не работали.

Только оказавшись за последним поворотом, где было тихо, он осознал – они сбежали.

Но ненадолго. Теперь про них знают и их будут искать.

Они остановились в узком техническом тоннеле. Стены были покрыты пылью, трубы, запотевшие от конденсата, в углу капала вода. Свет почти не пробивался – лишь слабое свечение аварийной лампочки на потолке.

Миша тяжело дышал, опершись на стену. Лира стояла чуть поодаль, трясущимися пальцами вытирая пот со лба. Нита присела у стены, закрыв глаза, как будто прислушивалась – нет ли погони, но вокруг была тишина.

– Твою мать, – прошептала Лира, – нас чуть не сцапали. Кто-то сдал. Кто-то из нас, и я даже знаю, кто.

Она медленно повернулась к Мише. В её взгляде плескалась злоба.

– Это ты, штопаная дрянь. Ты! – она шагнула ближе, подходя к нему вплотную. – Я сразу знала, что с тобой что-то не так. Ты втиралась к нам в доверие, строила из себя овцу. Потеря памяти? Ага. Как же.

– Что ты несёшь? – выдохнула Нита, поднимаясь. – Ты вообще слышишь себя?

– Ты хоть понимаешь, кого притащила?! – Лира указала пальцем на Мишу. – Она – Лика. Та самая. Предательница, крыса, чирка штопаная. А теперь она вдруг резко хорошей стала? Ты в это сама веришь?

– Я не предавала вас, – сказал Миша тихо. Он чувствовал, как сжимается горло. – Я не сдавала никого. Я сама…

– Заткнись! – Лира рванулась вперёд, толкнула его в плечо. – Не смей открывать свою вонючую пасть! Если бы не ты, нас бы не накрыли!

Миша оступился, ударился спиной о трубу, но устоял. Что-то в нём щёлкнуло. Он резко выпрямился.

– Да пошла ты, – сказал он, не громко, но так, что в тоннеле повисла глухая тишина. – Надоело уже слушать это дерьмо. Ты ничего обо мне не знаешь. И если бы ты хоть немного думала своей тупой башкой, то поняла бы, что если бы я хотела вас сдать, мы бы не сбежали.

Лира не стала спорить. Она ударила.

Мощный замах – кулак врезался в скулу, резко, больно. Миша отлетел в сторону, едва не упав.

Он не знал, что делать. Инстинкты мужчины кричали: не бей, она же девушка! Но тело Лики среагировало иначе – резко, неуклюже, но с яростью. Он метнулся вперёд, толкнул Лиру в грудь, обе покатились по полу.

Борьба была короткой, резкой, грязной. Миша оказался

под Лирой, её колени упирались в его живот, руки крепко держали запястья. Она была сильнее. Он задыхался, сердце колотилось. Паника и злость боролись внутри.

– Ну что, тварь? – прошипела она. – Думаешь, я тебе поверю?

– Хватит! – Нита подскочила, схватила Лиру за плечо и отдёрнула. – Всё, хватит! Посмотри на неё! Это не та Лика! Или она стала отличной актрисой… или всё-таки что-то в ней изменилось.

Лира стояла, тяжело дыша. Она смотрела на Мишу сверху вниз, и в её взгляде мелькнуло замешательство. Потом она вытерла рот, бросила:

– Если выяснится, что это была ты… я не пожалею. Ни секунды.

И развернувшись, ушла в темноту тоннеля.

Миша остался лежать на холодном полу. Рядом с ним присела Нита. Она ничего не сказала, просто протянула руку.

– Спасибо, – только и выдохнул он.

– Привыкай, – ответила она. – Доверие ещё надо заслужить. Особенно таким, как ты.

Когда шаги Лиры стихли, и мрак тоннеля снова окутал их тишиной, Миша сел, облокотившись о стену. В виске пульсировала боль – последствие удара, но он почти не замечал её. Всё остальное заглушало внутреннее напряжение. Он впервые дрался в женском теле. И проиграл. Впрочем, это было

ожидаемо.

Нита молчала, смотрела куда-то в пол, хмуря лоб. В её взгляде не было паники – только упрямство. Такое, как у человека, которого довели до точки, за которой уже всё равно.

– Знаешь… – тихо сказала она, не поднимая головы. – Возвращаться нельзя. Если нас поймают – всё. Не штраф. Даже не свинарник. Нас сотрут. Просто сотрут. Без следа.

Миша кивнул. Он это чувствовал, знал, ещё до того, как она сказала.

– Согласна. Нас спалили. И если не поймают сейчас, то поймают потом.

– Нужно уходить, – добавила Нита. – Совсем. Из комплекса.

Миша повернулся к ней.

– А это вообще возможно?

Нита криво усмехнулась.

– Не знаю. Говорят, есть такие, кто сбежал. Но никто их не видел. Это только слухи, как и всё здесь. Говорят, можно подделать разрешение, переписать браслет. Но это – через хакеров. Подпольных.

– А где их найти?

– Вот в том-то и проблема. Они хорошо прячутся. За то, что они делают им сразу смерть, без вариантов. Но нам сначала самим надо постараться не сдохнуть. И придумать, как

получить доступ в сетевой сегмент с нужным уровнем. Наш браслет – мусор. Пропуск в туалет и на работу, не больше.

Миша откинул голову к стене, устало прикрыл глаза. Мысли звенели, как провода на ветру.

– Есть хоть идея, с чего начать?

– Может и есть. У Лиры когда-то был контакт. С одной из них. Но после одной стычки она всех послала. Я не уверена, что она согласится снова… разговаривать.

Миша не ответил. Он понимал: всё, что между ними с Лирой случилось, ещё не закончено. Но сейчас – не до этого.

Он посмотрел на Ниту. Её лицо было спокойным, жёстким, готовым ко всему.

– Значит, у нас есть шанс?

Она не сразу ответила. Потом медленно кивнула.

– Не знаю. Но у нас точно нет другого выхода. Назад всё равно дороги нет.

Миша взглянул в темноту тоннеля. Холод пробирал до костей. Но внутри него что-то теплилось. Возможно, это была надежда.

Глава 6

Тоннель начался резко. Коридор просто обрывался, уступая место узкому проходу с низким потолком. Воздух – тяжёлый, спёртый, пахло гарью и металлом. По стенам – трубы, местами проржавевшие, между ними тянулись кабели. Над головой – ещё один слой проводки. Под ногами – грязь, пыль и пятна, о происхождении которых лучше было не думать. Свет остался позади. Уже метров через двадцать всё вокруг утонуло в темноте, и только вдалеке, за спиной, ещё тускло поблёскивала последняя лампа.

Они дошли почти до конца. Впереди – или тупик, или ещё один поворот, всё было одинаковым. Сели прямо на бетон, не выбирая, прижались спинами к стене. Дышали тяжело, стараясь не шуметь. Никакого ощущения безопасности не было – скорее наоборот, каждый мысленно отсчитывал секунды, ожидая, что вот-вот вспыхнет свет, зазвучат шаги. А потом всё… Без вариантов.

Воздух в тоннеле оставался влажным и тяжёлым, отдавая прогорклым маслом и подплавленными проводами. С потолка изредка падали капли, раздражающе ритмичные, как метроном. Все трое молчали. Говорить не имело смысла: любое слово в этой тишине звучало бы неуместно. Слишком громко. Или слишком тихо.

Лира заговорила первой. Голос её прозвучал слишком

ровно, словно она уже исчерпала все эмоции – и удивление, и гнев, и даже надежду. Она не оглянулась и не посмотрела на Лику. Просто коротко сказала:

– Сидим тут. День, может два. Пока не перебесятся.

Слова отозвались глухо, ушли вглубь тоннеля, теряясь где-то за трубами. Миша вздрогнул – не от самих слов, а от того, с каким спокойствием это прозвучало. Как будто всё уже решено, как будто это и есть план. Хотя сущности, никакого плана не было. Только одно – сидеть тихо и надеяться, что пронесёт.

Лира всё же обернулась. Взгляд у неё был тяжёлый – не агрессивный, не обвиняющий. Скорее… прицельный. Казалось, она ещё не решила, стоит ли доверять этой "Лике". Или проще будет потом, если что, избавить себя от лишней обузы.

Миша встретился с ней глазами, но через мгновение отвёл взгляд. Не из страха – просто не видел смысла. Сил спорить не осталось.

Прислонился к стене. Бетон холодный, комбинезон чужой. Всё в нём было чужое. Начиная с ног, заканчивая голосом. Иногда казалось, что прошла уже неделя, а иногда – что только вчера всё случилось. Он даже не знал, какой день сегодня. Впрочем, это и не имело значения.

Он пытался привыкнуть. Правда. Но каждый раз, когда двигался – чувствовал, что всё это ненастоящее. Как будто управляет куклой, только кукла почему-то живая, и это де-

лает всё только хуже.

"Это просто дурной сон", – снова подумал он. – "Вот сейчас проснусь. Марина на кухне, Ярослав в комнате мультики смотрит. А я сижу с чашкой кофе и думаю, что мне всё это привиделось…"

Он сжал пальцы. Кожа – нежная, тонкая. Даже это бесило. Чужое всё. Не его. Ни руки, ни ноги, ни лицо.

"Я больше никогда… Ни переписок, ни глупых улыбок чужим девочкам, ни одного взгляда… Просто… не хочу так больше. Не потому, что боюсь, а потому что противно. Сам себе противен."

Он не мог понять, к кому обращался. Возможно, к себе. А может, к жене, которая, казалось, где-то на границе сознания ещё могла его услышать. Или к тем, кто затащил его в этот безумный мир. Ему было всё равно, лишь бы кто-то уловил этот внутренний крик – или хотя бы зафиксировал на случай, если он действительно когда-нибудь проснётся.

Он сидел, стараясь не дышать громко, когда боль ударила внезапно – как будто кто-то засадил ломом между глаз. Всё вокруг качнулось, перед глазами потемнело, и на секунду показалось, что он сейчас просто завалится на бок. Упершись ладонями в пол, сглотнул. Не помогло.

– Чёрт, – прошипел он сквозь зубы. – Что за…

Но договорить не успел. В голове вспыхнуло, как будто кто-то резко дёрнул рубильник. Белый потолок, едкий химический запах, как от дезинфекции. Он понял это ещё до того,

как услышал тихий, дрожащий женский голос поблизости:

– Лика… слышишь меня? Ну пожалуйста…

Незнакомая женщина с каштановыми волосами, её пальцы торопливо коснулись его руки. Это не пугало – скорее сбивало с толку, потому что всё это не было его воспоминанием, но ощущалось как своё. Потом в глаза ударил яркий свет, и мгновенно наступила полная, беспросветная тьма, как будто кто-то выключил всё разом – даже мысли.

Он очнулся, шумно вдохнув, словно только что вынырнул из-под воды. Сердце билось судорожно, лоб вспотел, пальцы слегка дрожали. Тот же тоннель, те же трубы, тот же холодный бетон за спиной.

– Сраный театр, – пробормотал он, – теперь ещё и флешбэки чужие пошли.

Нита тревожно обернулась:

– Всё нормально?

Он кивнул. Ну, как кивнул… качнул подбородком, типа «жив пока».

– Просто… голова. Переклинило немного.

Лира не меняла позы, даже не обернулась – только скользнула по нему острым взглядом. Не сказала ничего, но и не надо было – в этом взгляде было всё. Недоверие, подозрение и та самая безмолвная фраза: «Ты мне не нравишься, Лика. Что-то в тебе не так».

Он прикрыл глаза, стараясь взять себя в руки. Но вместо спокойствия пришло привычное, тупое осознание: всё

катится не туда, а вмешаться не можешь – только смотри и молчи. Ведь если сказать хоть слово, может стать ещё хуже.

«Это не моя жизнь. Не моё тело, не моё имя, не мои воспоминания. Какого чёрта я здесь делаю…»

Он не знал ответа. Но внутри крепло ощущение, что вот это всё – ещё не конец. И до дна далеко. Ни фига. Это только начало.

В тоннеле по-прежнему царила сырость и полумрак. Воздух тяжёлый, отдающий пылью, ржавчиной и чем-то прелым. Всё вокруг словно застыло. Минуты тянулись, как часы. Никто не пытался заговорить, даже Лира, которая обычно подхватывала любой повод для спора, теперь молчала. Похоже, сил не оставалось или смысла не видела.

С потолка продолжали падать капли, равномерные, словно отмеряющие такт чего-то неотвратимого. Миша сидел, прислонившись к стене, стараясь держать спину ровной, чтобы не ныло всё тело. Лира, облокотившись на трубу, настороженно вглядывалась в темноту, а Нита, напротив, тихо подползла ближе. Медленно, без резких движений – просто переместилась и присела рядом, уперев локти в колени.

Сначала он подумал, что она просто хочет сменить позу. Но потом заметил – нет, в глазах у неё было что-то другое. Глубоко внутри, как у человека, который уже всё для себя решил, но пока не решается произнести вслух.

– Слушай… – начала она негромко. – Есть одна мысль. Может, тупая, но… – она пожала плечами. – У нас ведь всё

равно нет никакого плана, так что хуже не будет.

Миша повернул голову, молча выжидая. Нита колебалась, видимо взвешивая каждое слово, а потом всё же заговорила:

– Когда я была ещё в шестом секторе, ходили слухи об одной девушке, Тае. Списанная, вроде живёт где-то в мёртвой зоне, за старыми отсеками. Если, конечно, вообще жива. Типа официально пропала без вести, но на самом деле – нет. Говорили, она умела ломать браслеты, систему, даже подделывать пропуски. Может, она и не мертва вовсе, просто ушла в тень.

Она осеклась, словно давая время переварить сказанное. Или сама до конца не верила в эти слухи.

– Списанная? – Миша нахмурился. – То есть вне системы?

– Похоже. Формально она мертва или исчезла, сбежала – не суть, но по слухам – жива. Если так, возможно, у неё остались какие-то инструменты, доступы…

– Ты хочешь сказать, – медленно произнёс он, – что есть шанс взломать браслеты и уйти?

Нита посмотрела прямо, спокойно, без лишнего пафоса:

– Это шанс, не гарантия. Мы не знаем, где искать эту Таю и жива ли она вообще. Но другого варианта нет. Эти браслеты – как поводки. Без того, кто умеет с ними работать, мы не выберемся. Можем прятаться, ждать, надеяться – всё равно останемся внутри, пока нас не поймают или сами не сдохнем.

– Гениально, – голос Лиры прозвучал как выстрел. – Просто охренительно.

Она оттолкнулась от стены и сделала шаг вперёд, не повышая голоса, но от этого её слова только сильнее давили. В них чувствовалась накопленная злость, долго бродившая внутри и наконец прорвавшаяся наружу.

– Ты предлагаешь нам искать Таю? Серьёзно?

Нита промолчала. Не отступила, не попыталась объясниться – только плотнее сжала губы.

– А ты знаешь, кто она такая? – теперь Лира смотрела не на Ниту, а на Лику, ровно и холодно, без единой эмоции на лице. – У меня была подруга, Вера. Лучшая подруга. Единственный человек, которому я хоть что-то могла сказать. Она когда-то связалась с Таей, попросила помочь кое-что подправить в системе. Мелочь, не для себя, а для других. Думала, Тая выручит.

Миша не шелохнулся, не решаясь спросить, чем всё кончилось. Да и не был уверен, хочет ли вообще об этом знать.

– Потом за Верой пришли. Тихо, без шума. И увели навсегда. Свинарник или что похуже, никто уже не узнает. Может её и в живых уже нет. Я сперва думала, совпадение, но здесь не бывает совпадений. Тая её слила. По-своему, так, как умеет.

На мгновение в тоннеле повисла гнетущая тишина, даже порядком надоевшие капли, казалось, перестали падать.

– Тая не спасает, она выбирает, – Лира перевела взгляд с Ниты на Мишу. – Смотрит, что ей выгодно. Остальные для неё только расходный материал. Если ты правда думаешь,

что она подарит тебе ключ к свободе за спасибо, значит, ты такая же дура, как все, кого она уже сдала.

Нита вздрогнула, как будто эти слова задели её глубже, чем она готова была показать. Или просто не знала, что ответить.

– А ты, – Лира снова уставилась на Лику, – вообще молчала бы. Ты ведь у нас местная звезда. Больше всех штрафов, да? «Штопаная», – в её голосе звучало неприкрытое презрение. – Ты, блин, понимаешь, как это звучит? Пошла, зашилась – и думаешь, никто не помнит?

Миша не двинулся. Сидел, прижавшись к стене, стараясь даже взгляд не поднимать. Пульс в висках отдавался тяжёлым стуком.

– А ещё доносы, – не унималась Лира, – про тебя такое говорят – мама не горюй. То одна влетела после ночной проверки, то другая. И как-то так выходит, что всё время рядом была ты. Ты случайно не думала, что кто-то всё это видел, запоминал? Удивительно, что тебя только один раз порвали.

Нита не вмешивалась. Атмосфера сгущалась, как воздух перед грозой. И от этого становилось ещё хуже.

– Ты должна была гнить в свинарнике, – ровно произнесла Лира, словно делилась очевидным фактом. – По всем расчётам у тебя был билет в один конец, но вот же сюрприз: живая, целёхонькая, с браслетом на руке. – Она прищурилась и, не отводя взгляда, добавила: – Любовницу, что ли, завела в СВК? Или нашла иной способ удержаться? Просто так твари

вроде тебя не выживают.

Помолчала пару секунд, словно давая шанс хоть как-то возразить, потом добавила, уже тише, но с той же злостью в голосе:

– Как удобно, а? Память она, видите ли, потеряла. Типа всё, что было – не я. Давайте, мол, начнём с чистого листа. Отличная отмазка, особенно с такой репутацией. Наверное, единственный способ, чтобы тебя не прикончили на месте. Только вот верится с трудом.

Нита всё это время молчала, не вмешивалась. Только плечи у неё были напряжены, как перед дракой. Она краем глаза следила за Ликой, не зная, стоит ли заступаться. Слушая Лиру, она явно вспоминала что-то своё – возможно, настолько близкое и болезненное, что не могла сказать ни слова. И всё же в её глазах теплилась слабая надежда, что Лика теперь другая. Или хотя бы не совсем та.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.